

М. Д. Яснов

**Стихи и комментарии,
или Маленькие истории о том,
как пишутся и читаются стихи для детей**

Текст

Для чего жуку рога?

До чего же курага
Сладкая на диво!
Для чего жуку рога?
Чтобы жить красиво.

Апельсин, банан, лимон,
Яблоки и груши —
Всех отважней в мире он,
Всех смелей на суше.

Но дошел до речки жук —
И конец дорожке...
Клюква, брюква, редька, лук,
Где вы, рожки-ножки?

Комментарий

Обычно все начинается со строчки.

Эту — «Для чего жуку рога?» — я подхватил в разговоре с одним чадом. Чадо интересовалось живой природой, и его вопрос возник естественно и органично.

Не помню, что я тогда ответил, но фразу, благо она ритмическая, записал. Запись долго лежала среди подобных. Как-то раз я на нее наткнулся, и она тут же зарифмовалась:

Для чего жуку рога?
Чтоб спастись от врага.

Мило. Но при чем тут рога, если нужно спастись? Если бы стихи были про оленя или лося, которые могут сбрасывать рога, — предположим, чтобы легче было убежать от более сильного противника, — тогда понятно. По крайней мере, можно было бы рассчитывать, что понятна ирония: рога не для того, чтобы защищаться, а чтобы сбрасывать их при необходимости, как балласт. С жуком дело не проходит.

Может, просто изменить ситуацию?

Для чего жуку рога?
Чтоб досталось пирога.

Занятно. Но эта битва за блага жизни не слишком-то ассоциируется с жуком. Тогда — так:

Для чего жуку рога?
Жизнь бедняге дорога!

Этот ход лучше, но двустипшие получилось взрослое: слишком большой подтекст — в сознании ребенка его еще нет. Да и слово «бедняга» неуместно — может, это жук-победитель и ловко бодает своими рогами всех противников? Конечно, «беднягу» можно заменить на «вояку», но это мало что проясняет.

Исподволь меня стала одолевать вдруг услышанная глубокая рифма: «жуку рога» — «курага». При чем здесь курага, было совсем неясно, но что-то сладкое томило и манило. Образ жука-победителя ассоциировался с чем-то вкусным: жук всех победил и пошел осваивать трофеи — фрукты и овощи. Выплыла строчка:

Клюква-брюква, курага...

Строчка — считалочная. Ага! Это может быть считалка — про жука или с жуком.

Клюква-брюква, курага...
Для чего жуку рога?

Вспомним, какие еще могут быть фрукты, приманивающие жука, а заодно и маленького читателя (с ударением на первом слове, чтобы получался считалочный хорей): вишня, слива, дыня, финик... Отличный набор! Не очень понятно, причем здесь «клюква-брюква», но пока оставим как есть. Что получилось?

Клюква-брюква, курага,
Персик, вишня, слива...
Для чего жуку рога?

А если так:

Чтобы жить красиво!

Красиво жить не запретишь. Жук-рогач путешествует по свету, всех побеждает, и жизнь его сладка, точь-в-точь перечисленные фрукты. Попробуем дальше:

Дыня, финики, урюк,
Яблоки и груши...

Эти «и груши» («игруши!») притянули смысловую рифму:

Не боится старый жук
Никого на суше!

Понятно: наш бывалый боец шагает по тропке и всех побеждает. Но если появилась «суша», должно появиться и «море», или «река», т. е. «вода».

Но дойдет до лужи он —
И конец дорожке...

Считалка тоже где-то здесь должна кончиться, причем хорошо бы — эпиграмматическим пуантом. Здесь будет весьма уместно слово «лимон» — давнее, считалочное:

Апельсин, банан, лимон —
Где вы, рожки-ножки?

Ну вот, получилась считалка про самонадеянного жука, который ничего и никого не боится, но даже мелкую лужу ему не преодолеть.

Вроде, все складывается: смысловую роль играет сюжет, роль заумных слов, так распространенных в классических детских считалках, берут на себя названия фруктов. По-прежнему не понятно, при чем здесь «клюква-брюква»: все остальное — сладкое, а это — кислое, горькое, вызывающее слезы. Может, поставить их в конце? Начать так:

Финик, персик, курага,
Вишня, дыня, слива...
Для чего жуку рога?
Чтобы жить красиво!

А закончить —

Но дойдет до лужи жук —
И конец дорожке!
Клюква, брюква, редька, лук —
Где вы, рожки-ножки?

Это — в смысле логики — получше. Но что-то непроявленное меня тревожит. А вот что: лужа! Во-первых, эвфонический сбив («лужи — жук»), а во-вторых, жук, в конце концов, может ее обогнуть. Нужно более серьезное препятствие:

Но дойдет до речки жук...

Речка лучше. Если жук в нее упадет, то уже назад ему не выбраться. А тут еще сквозит «взрослое» — дойти до речки.

Но дойдет до речки жук —
И конец дорожке!
Клюква, брюква, редька, лук —
Где вы, рожки-ножки?

Кажется, все получилось... Но нет! Как же я прошляпил?
Рифма «жуку рога — курага» может быть еще глубже: «До
чего же курага — для чего жуку рога?»

Наконец-то все становится на место:

До чего же курага
Сладкая на диво!
Для чего жуку рога?
Чтобы жить красиво.

Апельсин, банан, лимон,
Яблоки и груши —
Всех отважней в мире он,
Всех смелей на суше.

Но дошел до речки жук —
И конец дорожке...
Клюква, брюква, редька, лук,
Где вы, рожки-ножки?

Жука, понятно, жалко — но это ведь считалка!

Текст

ПРО МАМОНТОВ

Мамонт и папонт
Гуляли вдоль речки.
Бабонт и дедонт
Лежали на печке.
А внучонт сидел на крылечке
И свертывал хобот в колечки.

Комментарий

Однажды еще в советские времена в редакции журнала «Таллин» попросили меня написать о переводе стихов эстонских детских поэтов на русский язык. Я в то время

как раз переводил замечательные детские стихи Эно Рауда и Леэло Тунгал и с удовольствием согласился. В поисках переводов я наткнулся на книжку прозаика Калью Кангура «Сны в хрустальном чемодане» в переводе Наталии Калаус, а в книге — на остроумную сказку под названием «Рифмоплет в клетке».

Злая колдунья Сутрапутра заманила к себе рассеянного рифмоплета и решила сварить из него похлебку. Дальше было так:

— Кость собачья и два куриных крыла... — приговаривала она, бросая все в варево.

Рифмоплет, сидевший понуро в клетке, в глубокой рассеянности принялся незаметно для себя рифмовать слова Сутрапутры:

— Пугало грачье и старая метла...

Не теряя времени, Сутрапутра вылетела из дому и вскоре вернулась, таща голик и громадное пугало.

Затем опять забормотала:

— Сюда б еще перчик, фасоли стручок...

— Сюда б еще ларчик и банный полок...

Колдунья тотчас впихнула в котел огромный ларец и снова выскочила за дверь.

Не прошло и минуты, как она приволокла банный полок. Булькнув, он тоже исчез в котле с похлебкой.

— А теперь я... масла ложку... — пробубнила колдунья.

— А теперь — колдунью-крошку... — срифмовал рифмоплет.

— А теперь колдунью-крошку? — Сутрапутра призадумалась. Оп-ля! — и она была в котле...

Так погибла злая колдунья, а рассеянный поэт оказался на свободе.

В этой сказке заключена мудрая метафора, которая лучше любых рассуждений показывает, что детская поэзия — это такое включение в игру, когда сама игра становится реальностью, жизнью.

Конечно, важны словечки, ситуации, «ходы». Но это путь поверхностный. Пишущий стихи для детей хорошо

знает, как нетрудно обыграть то или иное слово, срифмовать имя, набросать сюжет. Однако чем глубже копаешь, тем быстрее приходишь до понятий, прежде всего необходимых для детства: честности и нравственности. А это весьма твердая порода.

И вот еще что: то, что в стихи можно и нужно играть, — понятно далеко не всякому. Я знаю, что многие поэты на встречах с детьми просто читают свои произведения — этого бывает вполне достаточно, чтобы развеселить аудиторию или заставить ее хотя бы немножко призадуматься. Уже хорошо! Но, на мой взгляд, наиболее интересно проходят те встречи, когда писатель и читатели становятся соавторами, когда у каждого из них есть возможность пофантазировать, поиграть, пообщаться друг с другом. Это обоюдная польза: поэт из подобных встреч выносит, как правило, новые темы и сюжеты для своих стихотворений, читатели обогащаются через сотворчество новыми знаниями и пониманием, что такое родной язык, какие богатства в нем таятся.

— Представьте себе, — говорю я ребятам, — что сегодня к вам в гости вместе со мной пришла большая семья мамонтов: вот они стоят вокруг меня!

Моя аудитория — первоклашки-третьеклашки — резко оживают: одни начинают протестовать, потому что никого не видят, другие сразу же вступают в игру и представляют, что эти животные якобы действительно стоят у нас в классе.

— Итак, вот здесь, с этой стороны, стоит мамонт мама. А вот с этой — мамонт папа. Мама — мамонт. А папа?

Кто-нибудь обязательно крикнет:

— Папонт!

Игра началась.

— Правильно. Это два наших героя — мамонт и папонт. А есть еще мамонт дедушка. Как он будет называться?

— Дедонт!

— Точно! А мамонт бабушка?

— Бабонт!

— А еще есть у нас самый маленький персонаж — внучонт. Значит, вокруг нас стоят наши герои — мамонт, папонт, бабонт, дедонт и внучонт. Теперь мы вместе с вами прямо сейчас напишем про них стихотворение. Я даю две первые строчки — про мамонта и папонта, а вы — две другие, про бабонта и дедонта.

Мамонт и папонт
Гуляли вдоль речки.

Как правило, этого зачина бывает достаточно, чтобы все хором подхватили:

Бабонт и дедонт...

— Что? Что бывает в сказках с бабушкой и дедушкой?
— Сидели у печки!.. Нет, лежали!.. Да, лежали на печке!
— Прекрасно! Вот и получились у нас первые четыре строки:

Мамонт и папонт
Гуляли вдоль речки.
Бабонт и дедонт
Лежали на печке.

Теперь появляется внучонт. Я даю вам первую строчку, а вы должны придумать к ней вторую. Только помните, что в стихах есть не только рифма, но и ритм, размер. (О рифме и ритме мы говорим в самом начале встречи, когда выясняем, чем стихи отличаются от прозы). Итак,

А внучонт сидел на крылечке
И...

- Кушал колечки!
- Катал колечки!
- Смотрел, как гуляют овечки!
- Ел человечков!

Вариантов тьма. Но мы выбираем только те, что подходят по ритму. Наконец останавливаемся на «колечках»:

А внучонт сидел на крылечке
И... та́-та, та-та́-та... колечки!

- Что же можно вмести́ть в это «та́-та, та-та́-та»?
- И делал цветные колечки!
 - И делал из глины колечки!
 - И кушал большие колечки!
 - Нет, — говорю, — подумайте внимательно: чем слоны и мамонты отличаются от других животных?
 - Бивнями!.. Хоботом!..
 - Ну вот, если есть хобот, то, значит, можно его...
 - Крутить!
 - Крутить в колечки!
 - А еще?
 - Складывать!
 - Свертывать!
 - Ну, наконец-то! — и хором мы заканчиваем:

А внучонт сидел на крылечке
И свертывал хобот в колечки!

Теперь мы можем все вместе повторить это стихотворение — и уже запоминаем его навсегда!

Игры в стихи дают, на мой взгляд, очень важный толчок в осваивании ребенком той Вселенной, которую является наша речь, родной язык, и прививают в конечном счете меру, вкус, такт и чувство юмора — то есть дают основу гуманистического образования и воспитания.

